

Тадей Рильський

К ИЗУЧЕНИЮ УКРАИНСКОГО НАРОДНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Вступна стаття

Серед видатних постатей української інтелігенції вирізняється ім'я Тадея Розеславовича Рильського. Він походив зі славетної польської родини. Все своє життя присвятив служінню українському народу як етнограф, економіст, педагог, дослідник та знавець народного побуту. Поляк за походженням, українець за світосприйняттям Т.Р. Рильський був сином України і поборником демократичних принципів, який життям своїм довів безмежність та дієвість своєї любові до рідної України і її народу.

Протягом всього життя Т.Р. Рильський був активним учасником, сподвижником життя українського народу. Ще в студентські роки не зважаючи на своє шляхетне походження він разом з братом Юзефом, одягнувши селянський одяг, працював на сіножаті, току, бував у полі, на пасовищі. Така поведінка, прагнення пізнати селянина, так би мовити зсередини, була зумовлена тими настроями, духом, що панував серед студентів-«хохломанів» в середині ХІХ століття. Ідеї національної самосвідомості, просвіти для народу, трепетне ставлення до фольклору – все це хвилювало молодь. Такі «ходіння в народ» давали можливість через знайомство із звичаями, традиціями, віруваннями, умовами побуту та вивченням мови як носія культури українського народу пізнати його. Протягом трьох років Тадей Рильський разом з гуртківцями (він був членом української Громади) під час літніх канікул побував на Волині, Поділлі, Київщині, Холмщині, а також Катеринославщині й Херсонщині. Згодом враження від побаченого та почутого, осмислені та систематизовані, знайшли своє відображення в працях громадівця.

Особливу зацікавленість викликає серія наукових розвідок Т.Р. Рильського під назвою «К изучению украинского народного мировоззрения», що з'явилися на сторінках «Киевской старины» протягом 15 років, з 1888 до 1903 року (останні були вже посмертними публікаціями).

Дослідження написане на основі спостережень автора за життям, побутом українського народу, записів, розповідей, зібраних у Сквирському та Київському повітах. Матеріал для роздумів давали й спостереження за учнями сільської школи, яку створив Т.Р. Рильський у своєму селі Романівка і де вчителював протягом 20 років. З метою збереження та відтворення регіонального колориту, мовного та світоглядного, автор намагається дослівно відтворювати вирази, розповіді, пісні, які довелося почути в народному середовищі.

Джерелом вивчення світогляду українського народу стали сімейно-побутові традиції та процес виховання дитини в родинному колі, де особливу роль він відводить матері.

Сподіваємося, що цей текст буде корисним для дослідників історії педагогіки, етнографії, так і для всіх, хто цікавиться минулим нашого народу.

Наталя Побірченко

Частина I

Мне хочется поділитися с читателями «Киевской старины» некоторыми наблюдениями и заметками, касающимися мировоззрения украинского народа. Не претендуя на систематический обзор народного мировоззрения, я ограничусь опытом приведения в некоторый порядок моих воспоминаний и наблюдений в этой области. Цитируя слышанные мною из народных уст рассказы, песни и т.п., я не буду особенно стесняться тем, помещены ли они в том или ином варианте в том или другом этнографическом сборнике, но с другой стороны я желаю ограничиться виденным и слышанным мною, если же понадобится отступление от этого правила в интересах большей ясности мысли, то это отступление будет всегда отмечаемо указанием источника. Там, где мне кажется, что в народном мировоззрении последовали некоторые видоизменения за тридцатилетнее время моих наблюдений, я постараюсь их отметить. Что при подобного рода исследовании я считаю для себя обязательным соблюдать насколько возможно полную объективность, не умалчивать ничего сознательно из ведомого мне, не прикрашивать и не ухудшать – считаю лишним прибавлять.

Я начну с понятий, связанных с религиозным мировоззрением. В этом отношении, как и во многих других, наша привычка к шаблонным обобщениям затрудняет научное объективное изучение. Мы слишком склонны

воображать, что знание о принадлежности того или иного народа к тому или иному исповеданию – с другой – исчерпывают данный вопрос. Тот поверхностный способ отношения к явлениям общественной жизни, к которому приучают нас наши школьные учебники истории, проникает в нас обыкновенно глубже, чем мы предполагаем. Мы не без недоумения замечаем давний языческий склад жизни у народов, крещенных накануне, подобно тому, как мы не без труда представляем себе «легкомысленных французов» серьезно и настойчиво преданными интересам производства, науки и искусства, англичан свершающих кой-какие деяния без помощи машин и т.п. Раз свершилось явление, которое мы называем эпохой, и раз нам дана общая характеристика этого явления – и мы уже склонны видеть в последующем периоде общественной жизни безусловное, всепоглощающее подчинение этой жизни данному направлению. Но действительная жизнь слагается более осложнено, менее прямолинейно, чем наши обобщения; те или иные понятия не поглощают никогда всецело общественной жизни, новые не искореняют сразу давних, взаимодействие их, а также влияние посторонних причин вызывают различные модификации, а потому неудивительно, что и в понятиях народной массы, связанных с религиозным мировоззрением, мы встречаем наслоение разных исторических периодов, переработанное и перерабатываемое под влиянием общего сложного течения общественной жизни, неудивительно, что в предании мы встречаем иногда отголоски давно минувшей прямой борьбы одного мировоззрения с другим, не говоря уже о неудобосвязываемых отдельных представлениях, истекающих часто из весьма неоднородных источников.

Я не раз слышал в Киевщине следующий довольно известный рассказ (передаю по возможности точно слова и обороты речи той местности, в которой я слышал данный рассказ, песню и т.п.): «Був собі чоловік, що жив у лісі і скакав з колоди на колоду, приказуючи: оце тобі, Боже, а це мені, Боже. Отак він собі спасався і такий вже спасений був, що міг зверху по воді ходити. Коли тим лісом іде чернець. Прийшов він до того чоловіка, та й питається: що це ти, чоловіче добрий, робиш? – Спасаяся, – каже. – То не так же треба спасатися. І навчив його всіх молитв як треба, сказано по-церковному. Радіє вже той чоловік; годі вже скакати з колоди на колоду; молитися уже так, як його навчено. Коли забув він одне слово. Біжить він, доганяє ченця, щоб його навчив того слова. Прибігає до моря, аж бачить – чернець вже поплив, куди йому треба. Той чоловік давай бігти по воді; коли бачить, вода йому ноги аж за кістки займає. То він вернувся і давай знову скакати з колоди на колоду, та приприказувати: «Оце тобі, Боже, а це мені, Боже», і став він знов ходити по воді, як перше».

А вот другой рассказ, слышанный мною много лет тому назад в Киевском уезде в семье, обеспокоенной тем, что на принадлежащем ей поле в жите была «закрутка». Послали за дидом, который умеет подобающим образом вырывать «закрутки», за горилкою для угощения дида, а пока шла беседа о зловредности закруток. Один из собеседников рассказал следующее: «Ото ще як Господь ходив по світах – бачив він: якась жінка закрутку закручує. – «Ах ти, каже, злая, необачная, щоб же тобі це жито не далось у руки». Ото та жінка ловить та ловить жито, а воно все в руки не дається. – Чекай же, – каже жінка, – коли так, то щоб ти не зайшов, куди тобі треба. Йде Господь, а ноги все на одному місці ступають. Ото Він дозволив тій жінці закрутить вже ту закрутку, а Сам пішов, куди намірився».

Здесь уже не только вопрос о том или ином значении данной формы религиозного поклонения, но о взаимном противодействии могущественных противоположных начал.

Предания, в роде цитируемых, крайне редки, я сомневаюсь в том, чтобы при самом тщательном их собирании можно было бы их собрать сколько-нибудь законченный цикл, и потому для данного исследования они представляли бы мало интереса, если бы они не свидетельствовали о сохранении в народном предании отголосков весьма отдаленной старины. В народной массе нет никакого сомнения в том, что она принадлежит всецело христианству, но тем не менее она сохраняет и предания, подобные цитируемым, и приписывает громадное значение так называемым сверхъестественным силам, стоящим положительно вне христианского мировоззрения. Не говоря уже о значительной, довольно самостоятельной роли чорта, о его местных добродушных видах в роде «домовиков» и т.п., я хочу обратить внимание на усвоение значительной силы разными видами ведунов и ведуний, развенчанным, но тем не менее могущественным остатком жрецов дохристианского культа.

Кто из нас не слышал о людях, которые умеют «замовлять» кровь, зубы, выводить крыс из дома, переводить «горобцив» с проса данного хозяина на другое или же сеять просо так, чтобы гарантировать его от «спыванья» воробьев, о «прирожденных и наученных» ведьмах и их многочисленных проделках с коровами и т.п.? И ведьмы, впрочем, не только вред, но и пользу могут приносить владельцам коров; они то и умеют их лечить, – вот почему чрезвычайно щекотливый вопрос обращаться к сельской женщине «за порадою» по поводу болезни коровы, оттого и советы между хозяйками по этому вопросу ведутся всегда с значительной таинственностью. «Хто се тут наплутав про мою матир?», – говорил мне обиженно мой сосед, к матери

которого я когда-то в неведении данных тонкостей обратился за советом, как к опытной хозяйке. Ведьмы же, как известно, могут заставлять и летать человека, и мне случалось слышать рассказы о летании по воле ведьмы от людей, которые утверждали это вполне убежденно, так как, по их словам, они сами летали таким образом. О способностях ведьмы обращаться по произволу в разных животных слышал, вероятно, всякий, и очень многие утверждают, что они видели подобные превращения. Это происходит обыкновенно таким образом: рассказчик видел ночью нечто женоподобное вблизи какой-нибудь «повитки», это нечто потом исчезло, и он увидел собаку или свинью и т.д. Я помню разговор двух стариков, которые скептически относились ко многим «бабьим забобонам», но по вопросу о ведьмах они не только признавали факт несомненным, но и рассказывали о виденных ими превращениях и т.п. Известно также, что если животное, в которое превратилась ведьма, избить или покалечить, то следы побоев или искалечения можно найти у женщины, чем и обнаруживается ее «видьомство». Если ведьма тип ведуна, главным образом приносящего вред, то другие ведуны преимущественно приносят пользу: таковы, например, все излечивающие «замовлянием» и т.п. Бывает так, что кто-нибудь умеет замовлять одну какую-нибудь болезнь, – бывают и способные излечивать разные болезни. «Нічого вже моїй жінці не pomoже, возив вже я її і до планетника, – то він глянув у таке віконце та сказав мені, що нічого з неї не буде». Впрочем, не только по «планетам» можно предугадать шансы лечения; если вылить яйцо, служившее для «викачування переляку» (в случае болезни, приписываемой испугу, яйцом водят по телу больного, пришепывая подобающие слова), в воду, то оно будет образовать фигуры, по которым глаз ведающего узнает «чи йдеться на живуце, чи на вмируце» (в последнем случае виднеются кресты). При лечении употребляются разные средства: и зелья, и купанья, и скалывание «щеньт» во рту в случае водобоязни, и другие, но все они недействительны без соблюдения некоторой обрядности и подобающего проговаривания. Это и связывает народную медицину с ведунством. Но бывает и другого рода полезное ведунство. В Сквирском уезде мне рассказывали: «То наші люди возили колись кулики до Києва, ще як залізної дороги не було, і мій-таки батько їздив за ними. Прийшлося їм ночувати під Фастовцем у корчмі. А тут, сказано, всякий народ приїжджає, то вони чергуються, глядять своїх саней. А мороз великий, досадно стоять на дворі. Ночував там старенький чоловічок – не знаю вже з якого села. Ото він каже: «Не безпокойтесь, люди добрі, не буде в вас шкоди». Ото вони полягали, спочили трохи, та й вставать раненько, щоб то вже їхати дальше, коли глянуть – стоїть чоловік коло саней, на плечах кулик муки, руки примерзли і ніг ніяк не відірве від землі. Давай він проситься в того діда, то дід вже змилувався та одпустив його». Слушая этот рассказ, я – признаюсь –

не сразу понял, в чем сила, и предложил два-три вопроса в более реальном направлении, то предполагая, что дед сам стерег сани, то высказывая догадку, что он устроил нечто в роде капкана, но я скоро почувствовал, до какой степени мои вопросы не шли к делу, и какое невыгодное понятие о моих познаниях составила себе аудитория, слушавшая данный рассказ. «Я знаю, що пани цьому не вірять, – говорив мне один знакомий в сквирской уезде. – Вони не вірять і тому, що можна таке зробити, щоб чоловік полюбив яку дівчину чи жінку. А хіба N не зроблено так: чого ж би він її полюбив? Чи то ж в його жінки нема, або знов чи вона така краса, чи що?». «Щось він мені, проклятий, зробив, – говорила дівчина, – що одколи його тут немає, в мене й робота не спориться, і до їжі не маю охоти». Данную дивчину полюбил кто-то опять-таки потому, что у ее родителей «не дурно ж ночувала три ночі» баба-ведунья. В песне дивчина оправдывается перед любящим ее парубком, что она не знает чаров:

«Бодай ти так знав
З сіней до хати,
От як я знаю
Чим чарувати.
В мене чароньки –
Чорні бривоньки,
В мене принада –
Сама молода».

(Из песни, слышанной в Киевском и Сквирском уезде).

А все таки «чорни бривоньки», несмотря на всю их соблазнительность, не всегда достаточны для того, чтобы заставить полюбить. Часто то дивчины, то парубкови «щось» наполняет вселенную; в одном случае – оно порождение ведающей силы, в иных – оно является самостоятельно, как неопределенное существо. В нашем селе «в глыныську щось лякає», то опять таки «щось лякає» в том или ином доме и т.д.

Наши культурники и полукulturники, прислушиваясь к подобным рассказам, не находят в ответ на них ничего, кроме улыбки высокомерного, а то и злостного презрения, несмотря на то, что и у них в мозгу, как в нашем сельском глыныську, «щось лякає».

Этот «переляк» чрезвычайно трудно «одмовлять»: под его влиянием все, находящееся вне мира афоризмов, внушенных воспитателями, представляется пропастью бездонною, наполненною злыми духами и помышлениями. «Зализна баба» стережет огурцы и горох, – внушают родители нашим сельским детям, но живая пытливость детского ума, возбуждаемая соблазнительным вкусом запрещенных плодов, побеждает страх перед «зализною бабою», стерегущей огурцы; зализна баба традиционных афоризмов оказывается весьма часто непобедимой.

Выходит довольно забавно: люди, мысль которых постоянно «щось лякае», никоим образом не могут уразумевать людей, которых тоже «щось лякае»; каждая из сторон претендует на монопольное право «ляканья» для своего нечто. Попробуем, однако, подражать нашим сельским детям (известно «молоде – золоте») и разобраться несколько во вкусе плодов, произрастающих вне нивы нашего личного мышления.

Критерий, который употребляется обыкновенно при оценке народных понятий данной категории, это степень их правдоподобности. Находя данные представления неправдоподобными, практические наши мысли делают вывод о крайней непригодности мыслительных способностей наших людей, верующих в эти неправдоподобные вещи, а если в добавок кем-нибудь из них было преподнесено бесплодно афористическое отрицание того или иного народного понятия данной категории, то вывод этот еще обостряет и уснащается приятным сознанием личного монопольного владения «здравым смыслом».

Как не неприятно мне расходиться с мышлением наших монополистов «здравого смысла», я осмеливаюсь значительно усомниться в пригодности критерия правдоподобности в тех широких размерах, которые ему отводятся в этих рассуждениях. Он предполагает какое-то прирожденное интуитивное существование в нашей мысли знания возможного и невозможного в природе. Смею сомневаться в том, чтобы чья-нибудь прирожденная интуиция указала на возможность мгновенной, так сказать, передачи нашей мысли на огромные расстояния при посредстве электричества, на возможность передачи каким-то аппаратом звуков нашего голоса много лет спустя после произнесения их, на возможность получения из смеси двух тел определенных свойств нового, утратившего характерные свойства составных своих частей и приобретенные новые, отсутствовавшие в них и т.д. А произрастание растения из семени и весь процесс оплодотворения, вращение земли около солнца, морские течения, превращение съедаемых нами веществ в нашу плоть и кровь, наследственность, одним словом, все явления органической и неорганической

жизни – разве знание всего этого приобретается путем интуиции? Употребляя последовательно слог, так называемого «здравого смысла», следует назвать все эти явления неправдоподобными. Да, они неправдоподобны, они только действительны; степень правильности понятия об этой действительности зависит исключительно от степени пригодности метода ее изучения, умения владеть ими и размеров района наблюдений.

Степень пригодности того или иного обобщения явлений несколько не зависит от того, каким образом оно действует на нашу впечатлительность, образовавшуюся под влиянием предыдущих наблюдений и обобщений, а исключительно от того, насколько оно согласуется с фактами, лежащими в его основании; само по себе, *für sich und an sich*, оно не носит никакой печати пригодности или непригодности.

С этой точки зрения народные обобщения, стремящиеся к истолкованию жизненных явлений, в сравнении с научными понятиями не отличаются от этих последних, как род от рода; а представляют только отдельный вид того же рода: стремление уяснить себе так называемую причинную связь явлений; вся разница между ними состоит только в степени совершенства методических приемов, при помощи которых они добыты.

Привычкой к данным методическим приемам и объясняется бесплодность партизанской войны, ведомой иногда культурниками с теми или иными отдельными обобщениями народного мировоззрения непосредственно. Борьба обыкновенно ведется аргументами пресловутой правдоподобности, причем забывается, что данные, на которые мы ссылаемся, представляются слушателями в такой же мере неправдоподобными, в какой аргументирующему понятия, с которыми он сражается. Мне случалось иногда пытаться дать на иные вопросы, возбужденные в разговоре крестьян, научный ответ. По вопросам, предлагаемым мне, или по уступчивому молчанию и дальнейшему ходу разговора, я замечал, что объяснения мои кажутся моим слушателям на столько же неправдоподобными, на сколько мне объяснение исхудания лошади тем, что домовык на ней ездит, или холерной эпидемии тем, что холера в образе женщины ходит из села в село и т.д. Когда-то зашла речь о холере: я старался рассказать о микроорганизмах, о зависимости податливости на заражение от условий климатических, обстановки, личных свойств организма и т.п. Меня слушали внимательно, и вслед за тем пошли дальше разговоры о том, как ходит холера, как она душит и т.д. Объясняя как-то при случае устройство фонографа, я чувствовал по общему тону дальнейших разговоров, вошедших в область, так называемого чудесного, что фонограф в воображении большинства моих собеседников явился или чем то

таким неправдоподобным, как для меня «видьомська» сила, или же обладающим сам видьомською силою.

И это в порядке вещей. Для людей, неподготовленных к изучению явлений при помощи микроскопа, статистических таблиц и т.д., результаты микроскопических исследований, медицинской статистики, акустики и т.д. должны казаться невероятными, и скептическое их отношение к ним скорее указывает на присутствие критических наклонностей ума, чем обратно.

Таким образом те или иные объяснения явлений становятся удобоусвоиваемыми или отрицаемыми в зависимости от методических привычек нашего мышления.

В сущности и методические приемы исследования в данном случае разнятся не по существу, а по степени их утонченности, вызывающей большую или меньшую чувствительность мыслительного аппарата на сходства и различия предметов наблюдения. Чем анализ тоньше, тем точнее выделяются группы аналогичных явлений, чем он грубее, тем больше смещения между отдельными группами, тем больше склонность переносить свойства, подмеченные в одной группе явлений, на другие, не заботясь особенно об установлении степени их сходства и различия, но в том или ином случае сведение отдельных явлений в группы на основании общности их свойств составляет основной прием всякого исследования. Чем уже круг наблюдений, чем меньше опытность наблюдателя, тем несовершеннее данная группировка и тем больше склонность переносить известные нам подробности исследованного типа явлений на все остальные, не заботясь особенно об установлении степени их сходства и различия.

Под влиянием этой примитивной техники исследования человек, обладающий малым запасом знаний, неизбежно склоняется к подведению всех явлений движения к наиболее известному ему типу – типу человеческих движений. Присутствие сознания и волевых ощущений, присущее значительной части человеческих движений, рассматривается как необходимое сопровождение всякого движения, и отсюда неизбежный антропоморфизм мировоззрения.

Под влиянием этого одушевляющего природу мировоззрения слагались, очевидно, понятия, приписывающие возможность воле человеческой, выраженной в форме заклинаний и т.п., влиять на явления внешнего мира: задерживать кровь, зубную боль, заставлять людей уноситься в воздух, переводить воробьев с одного места на другое, вложить в скрученные известным образом колосья зловредную силу и т.п. Под этим же влиянием

трудно объяснимые или действующие поражающим образом на воображение явления приписываются действию человекоподобных, неизвестных естеств. Но если так, то цикл народных понятий, о котором здесь идет речь, не представится нам более как нечто произвольное, лишенное всякого разумного основания – напротив, мы увидим в нем результаты первобытных попыток исследовать связь явлений, т.е. стремление различное по степени совершенства способов, но одинаковое по своей сущности с стремлением, лежащим в основе всех научных исследований.

Время зарождения этих понятий относится к далекому прошедшему, но они лишились бы жизнеспособности, если бы склонность к антропоморфическому мировоззрению исчезла бесследно и не питалась убожеством познаний, незнакомством с более тонкими методами исследования явлений.

Все языки с их безразличным перенесением слов, относящихся к жизни человеческой, на явления внешнего мира и обратно, все стремления пара, химические сродства, течения и колебания мысли, тяготения партий и т.п. – живые признаки антропоморфических наклонностей человеческого ума, но освоенное с данным условным значением терминов ухо наше не поражается ими. Иначе с народной речью: вместо условных терминов мы встречаем в ней живые выражения, носящие очевидные следы данного мировоззрения. «Дарма, що тепер тепло – зима свого не подарує», «гарний овес, та чи залюбить він нашу землю», «що цього дощу, сліду вже немає, земля дуже прагнуча», «всяка всячина любить вигоду, як чоловік, як скотина, як зерно» и т.п.

Занимаясь в сельской школе, я был поражен той наклонностью к драматизированию, так сказать, явлений природы, которую я замечал в ответах учеников. Пар садился в форме капель на окна, а на стене его не заметно, потому что он любит холодное; вода при кипячении выливается из полного горшка, потому что она хочет занять больше места; зимой у открытых дверей хаты клубится туман потому, что внешний воздух хочет пробраться в хату, а хатний выйти, и они встречаются там; маятник хочет колебаться постоянно, но воздух его не допускает и т.д. Несомненно, трудность подобрать более соответствующие выражения играет тут некоторую роль, но я замечал вообще трудность вызвать стремление к подыскиванию слов более подходящих. Случалось и так, что на вопросы, которыми я хотел обратить внимание на несоответственность выражения, мне отвечали наивным их подтверждением: – «Что же эти два течения воздуха так таки борются? – Ну да, борются. – Пар так-таки и любит холодный топор? –

Разумеется, он любит холодное».

Нужно при этом заметить, что между детьми, посещающими сельскую школу, есть довольно взрослые, что они сравнительно с детьми других общественных групп довольно развиты, так как они более извели, участвуя в трудах по хозяйству и самостоятельно развлекаясь в свободное время, что уровень их развития не так значительно разнится от уровня развития старших – чему доказательством, между прочим, служит и то, что книги, охотно читаемые старшими школярами, охотно слушаются и их родителями, и что, наоборот, книги, доставляющие удовольствие грамотным из взрослых, читаются охотно и старшими школьными детьми.

Вследствие этих соображений я и решился дополнить наблюдения над мировоззрением взрослых сельчан наблюдениями над сельскими детьми.

Таким образом отдельные понятия по мироведению в народной массе в том виде, в каком мы их встречаем, представляются мне, как естественный продукт научного стремления к исследованию связи явлений и необходимой, при данной сумме материалов исследования, склонности к антропоморфизму. Вот почему я давно перестал поражаться странностью их, почему не сомневаюсь в способности к усвоению более точных примеров исследования со стороны людей, проявивших склонность к самостоятельному исследованию явлений в форме, соответствующей наличности материала, но убежден в безусловной бесплодности непосредственной борьбы с отдельными суеверными понятиями. Только долгое и постепенное освоение с более совершенною техникою исследования может приносить серьезный результат в этом отношении; отдельные понятия находятся в связи с общим мировоззрением. Конечно, данное время не есть время активного, созидательного проявления этого мировоззрения, главные его законченные понятия относятся к незапамятной старине, но тем не менее и общие наклонности этого мировоззрения, и связанные с ним отдельные понятия до сих пор живы в народной массе, появляются даже и новые приращения к традиционному материалу (о телеграфе, напр., я слышал: «не буде вже добра, коли весь світ залізом переплутано» или в селах, далеких от мест распространения штундизма, образовалось поверье о вырастании рогов на головах штундистов); приращения эти свидетельствуют об общей живучести данного цикла понятий; они продукт умственной жизни народа и наличных средств исследования и способны уступить место новым только в той мере, в какой эти новые обнимут всю систему его мышления, подобно тому как старые листья на черном дубе осыпаются только по мере вскармливания его соками новых.

Тем не менее, мне кажется, что несколько критическое отношение к данным понятиям начинает теперь чаще встречаться среди молодого поколения сельчан, чем прежде. То вы услышите насмешку над тем или иным «забобоном», над тем или иным суеверным страхом («не йди, дівко, – вова злякає»), то вам предложат серьезно скептический вопрос о силе заклинания, замовляния и т.п. Значительно более охотное, чем прежде, обращение к совету доктора, если только для этого предоставится не особенно дорогая возможность, указывает также на ослабление веры и «выкачування переляку», «одмовляння прістріту» и т.д. Сюда же будет относиться и некоторое более свободное обращение с повязкой замужней женщины, хотя оно не везде проявляется с одинаковой силой и в одной форме; в данном отношении я имею в виду северо-восточную часть Сквирского уезда (Киевск. губ.). Дело в том, что замужней женщине не подобает «світить волоссям». Я помню случай, когда семилетний мальчик играя сбросил «очипок» замужней женщины в обществе. Женщина расплакалась от огорчения, что он заставил ее, честную женщину, «світить волоссям». Я помню, как напрасны были когда-то мои заботы утешить гнев одной женщины на другую в виду главным образом того, что эта последняя ее «розчипчыла». В цикле песен, насмехающихся над разнузданностью жены и покорностью по отношению к ней мужа, есть такая:

Ой пила, пила, чіпця згубила,
Прийшла до дому, ще й мужа била.
Ой била, била, вигнала з хати:
Ой іди, мужу, чіпця шукати.
Прийшов до корчми: добридень, люде!
Признайтесь мені, перейма буде,
Перейма буде, кварта горілки,
Хто найде чіпця моєї жінки,
Кварта горілки, ще й мірка проса,
Бо моя жінка – простоволоса.

(Романовка, Сквирского уезда).

Насмешка над заботливостью мужа тем язвительнее, что жена его своим поведением по отношению к нему и по отношению ко всем понятиям приличия честной женщины этого не заслуживает («пила, чіпця згубила і

мужа била»).

Да, но эти понятия видоизменяются. Я помню время, когда замужняя женщина в нашей местности повязывала платок на верх «очипка» так, что никоим образом не можно было увидеть волосок, помню и то, что маленький клочок волос, выглядывавший из-под очипка и как будто нечаянно забытый, был рассматриваем, как признак беззастенчивого кокетства; далее я наблюдал постепенное удаление повязки назад; в данный момент у нас она кончается более или менее на половине верхней части головы.

Целый ряд традиционных, исключительно народных праздников: «наський велькдень», «переплавна середа», «девятый четверг» соблюдаются что дальше, то с меньшей точностью. Это коснулось и обычного продолжения праздников христианских. В прежнее время с 25 декабря по 1-ое января никто не работал, теперь работают с 25 декабря; на «велькодни святки» до «провид» никто не работал, теперь работают, начиная со среды.

Прямого, систематического воздействия на все эти понятия нельзя, кажется, доискаться, но косвенно-видоизмененный строй жизни вызывает новые течения мысли в самой народной среде. Свобода труда и большее разнообразие экономических отношений, связанное с ним, участие в самоуправлении и связанное с ним возрастание доверия к личному суждению, более частое общественное соприкосновение с людьми иных общественных групп, с «пидулавшими панками и пидпанками» и с выбивающимися на поверхность полупанками, «дерыхвостамаы», более смелое обращение с культурными людьми, передвижение из городов в села и обратно, облегченные железными дорогами, пребывание в разных краях солдат из местных жителей и учащенный прилив и отлив их – все это и, вероятно, многое другое, здесь упущенное, способствует расширению кругозора, возрастанию доверия к своему суждению и действует эмансипирующим образом по отношению к традиционной мудрости не через непосредственное насаждение тех или иных идей, а косвенно, вызывая самостоятельность мысли в народной среде. В таком виде представляется мне в общих чертах характер отношения современной народной мысли к остаткам древнеязыческой религии. Употребляя, впрочем, по принятому обычаю, это слово, не нужно забывать, что здесь мы имеем дело не с настоящей религией в том смысле, в каком мы привыкли ее понимать под влиянием религии откровенной, что она не только не откровенна, как христианская, но даже и не принесена готовой более развитым племенем менее развитому, как в Индии или Египте, что, значит, она не только по своему содержанию, но и по способу зарождения и проникновения в умы отдельных лиц бесконечно разнится.

Религия эта выработывалась на месте под влиянием тех общих наклонностей мировоззрения, которые и до настоящего времени не вполне лишены жизненной силы, а потому и отдельные ее понятия являлись, как продукт мысли, работающей примитивно-научным образом. Под влиянием этой генезы жрецы этой религии – ведуны, знахари – только люди более знающие по некоторым специальным вопросам; иной санкции, кроме спроса на это знание, они, вероятно, никогда не имели в глазах народа или, по крайней мере, современные их остатки пользуются в глазах народа некоторым авторитетом только в указанном смысле и границах.

Правда, формулы, к которым приводили данные исследования связи явлений, благоприятствовали эксплуатационным стремлениям прозорливых ведунов и потому насаждение верований, рассчитанных на невежество окружающей среды с корыстной целью, встречалось, вероятно, с их стороны; быть может, что такого рода соображения действуют у иных из современных знахарей, но этого в большинстве случаев нельзя утверждать. Они вообще наивно веруют в силу своих заклинаний, заговоров и т.п. Посмотрите, как наивно-добродушно добрая женщина делает диагноз недуга, и определив, что это «пидвий, переляк или прыстрит», предлагает соответственные «лики». Я помню, как одна добрая старуха, замечая мое нездоровье, определила, что это «прыстрит», и как наивно-настойчиво советовала мне взяться за «одвилок и трычи плюнуть назад»; я помню приятельские предложения нескольких лиц заговорить мне зубную боль; меня поражала настойчивость предложений, несмотря на мотивированную решительность отказа; я узнал даже, что одна добродушная женщина из сострадания заговорила мою зубную боль до месяца; я помню, как спокойно-уверенно во время зимнего ночного путешествия в лесу мой возница заявил, что раз я еду с ним, никакой опасности от волков нельзя предполагать, так как он знает такую молитву, которая нас сделает безусловно недоступными для волков.

Мне кажется, что в огромном большинстве случаев наши народные ведающие действуют также наивно, что, конечно, не исключает возможности сознательной эксплуатационной деятельности со стороны некоторых из них, но это исключение, а не правило. Они не особенные какие-нибудь люди, они просто кое-что знают и считают своей обязанностью помочь в беде добрым людям. Сознание, вырастающего достоинства в виду пользы, приносимой им, главный, кажется, двигатель в предложении услуг, а если, кроме «щирого спасыби, перепате кусок сала, мыска пшонця или чарочка тиеи», то нельзя же «гордовать дякою» добрых людей.

Вышеизложенные общие соображения о данном цикле верований

подтверждаются, мне кажется, и особым характером критического отношения к тому или иному из них, раз такое критическое отношение проявляется. Я говорил о том, как твердо, убежденно они принимаются огромным большинством народа, тем не менее заявление сомнений по данным вопросам не скандализирует верующих, несмотря на то, что в огромном большинстве случаев они остаются упорно при своих верованиях. Сомнение в данном случае представляется им недостатком знания или легкомысленным выводом, но во всяком случае безобидным движением мысли. Этим же характером простого, научного, так сказать, отношения к данным понятиям объясняется, мне кажется, и та простота и радикальность вопросов, которые вам иногда предлагают сомневающиеся в том или ином положении данного цикла понятий. Можно их знать или не знать, верить в них или не верить; это может определять вашу степень познаний, вашу большую или меньшую умелость оценить по достоинству сообщаемые вам знания, но не влияет на определение вашей морали. С этим связывается и то, что, помимо существования зачатков критического отношения к данным понятиям, крайне редки, если не вполне отсутствуют, насмешливые рассказы и песни о данных верованиях и верованиях. Я, по крайней мере, таких песен или рассказов никогда, насколько помню, не слышал. Насмешка представляет мало соблазна там, где можно прямо отнестись к вопросу без всяких стеснений.

Перейду теперь к сообщению некоторых данных относительно того, в каком виде усвоилось большинством нашего сельского населения христианское учение, как оно относится к религиозному культу и к его представителям.

С догматикой народ вообще мало знаком. Бог, как создатель и держитель всего мира, насадитель добра и каратель зла, составляет основное понятие его христианско-религиозных верований; Св. Духа упоминает народ только в заученных наизусть молитвах, под словом Бог он подразумевает всегда Бога Отца; Иисус Христос известен народу не менее Бога Отца как учитель христианской религии, распятый за нее и за людей на кресте; к Нему же обращается народ по преимуществу с некоторыми просьбами, обращенными к благости Господней. «Дав би то Син Господній», чтобы прошел дождик, чтобы хлеб зародил в этом году и т.п.

О создании мира и происхождении злого духа я слышал когда то следующий своеобразный рассказ. Рассказчик, дид Жук, был родом из Обухова (Киевского уезда); во время моего знакомства с ним он жил в д. Маковицах (Киевского уезда). Дид был вообще молчалив, и только иногда, выпив чарку, делался разговорчивее. В таком несколько возбужденном виде

он рассказывал мне, как он в детстве своем видел запорожцев; в таком же состоянии он охотно рассказывал «божественно». Дид рассказывал о создании мира, приближаясь в начале довольно к библейскому рассказу и вызывая общее удивление своей эрудицией, далее – уклоняясь от него уже более резко, – он рассказал, как Бог создал чорта. Чорт был один, и ему было досадно оставаться без прислуги. «Ото він іде до Бога та просить, щоб Бог дав йому слуг. То Бог сказав: «Іди та махни рукою, то й матимеш слуг». Чорт махнув рукою, та й з'явилися у нього слуги. Але чорт – сказано – ненаситний, давай махать та махать руками. Ото з того ті маленькі чортики. Розвелась їх велика сила. Тоді Бог скликає усіх ангелів, архангелів, херувимів та й каже: «А що ж ви, хлопці-чорноморці, підніміть мій престол повищи усіх тих вражеських сил. Так вони і зробили». Верованье в загробную жизнь всеобщее; соображение о том, «як-то буде на тім світі», высказывается очень часто. По вопросу о загробной жизни вы часто услышите фразу: «А Бог його знає; ніхто з того світа не вертався».

На некоторую своеобразность во взглядах на святых угодников указывает часто повторяемая фраза, имеющая в виду рекомендовать празднование меньших церковных праздников: «Часом малий святий і за великого накарає».

Значение церковных обрядов мало известно народу, но он очень дорожит ими, хотя иногда и истолковывает их своеобразно. На вопрос: «Почему ты называешься христианином?» – начинающий школяр со слов родителей всегда ответит: «Потому что я крещусь». Христиане, не употребляющие крестного знамени, для народа вообще непонятны, потому он и не признает, например, штундистов христианами. На их принцип не употреблять крестного знамени смотрят обыкновенно не как на известное религиозное учение, а несколько таинственно. Дело в том, что «злый» боится креста. Несмотря на эти и им подобные значительные неточности уразумевания христианской догматики, общий дух христианского учения довольно понятен народу, хотя и это понимание выражается иногда в несколько своеобразных формах.

В д. Маковищах Сквирского уезда я знал когда то Иосипа Пысьменного. Это был около тридцати лет тому назад, единственный грамотный человек в селе. Иосип мало читал, но – что было крайней редкостью между современными ему сельскими грамотеями – читал сознательно. В одно из моих посещений Иосип оживился более обыкновенного, достал с «полиці» Евангелие и свои рассуждения подкреплял чтением текстов. В его мыслящую голову глубоко запала простонародная обстановка рождения и жизни Иисуса,

ему казалось, что эти обстоятельства преднамеренно игнорируют в угоду панам (то было еще крепостное время). Доказательство этого он видел в обыкновенном способе изображения Матери Божьей. «Матір Божу малюють завше панною, а вона була проста людина. Її б треба малювати у сірій свиті, а то і в міщанському сірому жупані».

Евангельская притча о Лазаре перешла в малорусскую народную песенность. Песня эта, или правильнее, может быть, дума (по своему складу она вполне напоминает исторические малорусские думы), как известно, очень популярна. Всякий лирик знает ее непременно; простонародные слушатели слушают с сосредоточенным вниманием и волнением речитатив лирика, акомпанируемый жалобными звуками лиры, повествующий об унижении убогого брата богатым, который «брата свого Лазара за брата не мав», об утешении обиженного в загробной жизни «в честі та хвалі».

К числу очень распространенных лирических набожных песен принадлежит и песня о правде, но лирики стесняются обыкновенно петь ее перед «панами» или же поют со значительными сокращениями. Я слышал ее, между прочим, когда-то в Фастове (Киевской губернии) во время ярмарки. Народ столпился около лирика, певшего о том, как теперь нет на свете правды, как ее топчут под ногами, в то время, когда «тая неправда п'є вино з панами», о том, как напрасно бывает отстаивать правду в борьбе с более сильными. «На суд із ними стати, правди не зискати, тільки сріблом-золотом панів наситити». Одним словом, неправда «увесь світ зажерла» – надежда только на Бога. «Бо сам Господь правда», он вселит правду, накажет неправду и «смирить гординю». Среди ярмарочного шума и гама группа, окружавшая лирика, отрешилась временно от всех забот ярмарочного дня; виднелись только сосредоточенные лица, слышались от времени до времени фразы, подтверждающие правдивость слов песни, слезы навертывались иному на глаза, медные гроши подносились отовсюду певцу правды, иной приносил стакан квасу оросить «смажні уста чоловіка божого». (Один из хороших вариантов песни о правде помещен в «Записках о южной Руси» П. Кулиша).

Противопоставление божьей правды людскому «гордуванью» – живая тема для мысли народной. Я ехал когда-то из Киева. В вагоне 3-го класса ехали две киевские прачки, одетые, впрочем, барышнями, несколько крестьян, евреев и вообще разнородная публика. Вагон был для курящих. Один из крестьян закурил «люльку», став, впрочем, у отворенного окна так, чтобы дым его «люльки» улетал в окно. Барышни-прачки раздраженно настаивали на том, чтобы он вышел на платформу, и когда «курецъ» объяснял, что дым его трубки не входит в вагон, и вообще не уступал, то слышались

презрительные с их стороны отзывы о мужиках. «То Ісус Христос, Син Божий, – ответил мужик, – страдав за нас всіх, за простих і благородних, за убогих і багатих, а тут... трошки того благородія, а бач як гордує».

Что касается форм религиозного поклонения, то они соблюдаются вообще тщательно, хотя обыкновенно с весьма незначительным пониманием их значения или даже вовсе без всякого иного понимания, кроме того, что так нужно делать набожному человеку. И здесь тоже есть своеобразные понятия. Так, например, соблюдая праздничный отдых, безусловно, нельзя производить некоторых работ, в то время как за другие «Бог простить». Во все вообще воскресенья и праздники нельзя резать (кроме съестного); ни тесать дерева, ни косить, ни жать и ничего тому подобного. Но можно, в случае экстренной надобности, «в горяче время», возить снопы, грести сено, складывать копны и т.п. Есть церковные и народно-обычные праздники, в которые можно самому, но «худобою гришно робити».

Обыденные молитвы тоже значительно разнятся от молитв, употребляемых в церкви. Новичок школяр на вопрос: «Умеет ли он молитвы?» – отвечает обыкновенно: «Як то? Богу? Авжеж, домашнього Богу вмю». («Богу» значит молитвы). Мужчины, особенно из более молодого поколения, довольно часто знают «церковного Богу», хотя это далеко не общее правило, женщины же почти без исключения знают только домашнего. Эти домашние молитвы часто значительно разнятся в отдельных семьях одного и того же села, а то бывает и так, что хлопцы молятся «по-церковному» (т.е. думают, что они так молятся), а девчата – по-домашнему. В иных домашних молитвах Сквирского уезда видны сильные следы унии. Вот примеры из одного «домашнего Богу». В утренних молитвах повторяется десять заповідей в таком виде: «Есть Божих десять заповідей. Перша: не мов; друга: не бери надаремне Мья Его; третя: святкуй неділю святу; четверта: шануй отця і матір і всіх старших, будешь довго літ жить на земле; п'ята: не убий; шоста: не чужеложь; сьома: не украдь; восьма: не будь свідком фальшивим против ближнего своего; дев'ята: не пожадай; десята: не жодной речі, ні вола, ні осла, ні слуги, ні служевниці». Перечень Св. Таинств встречается в таком виде: «Сим сакраментив. Первое: крещеніє; другое: миропомазанье; третье: евхаристія; четвертое: покута; п'яте: маслосвятіє; шосте: капланство; сьоме: малжинство». А вот перечень смертных грехов: «сім гріхів моїх головних: пиха, лакомство, нечистота, гнів, заздрість, обжерство, лінивство до хвали до Божої». В том же «домашнем Богу» встречается следующее: «На синьому морі, на білому камені, там церковця стояла; в тій церковці престоли стояли, на тих престолах Ісус Христос сидів, очиці склепив, ручиці скрижував, на білий камінь кровці пускав. Прийшов до його святій Петро і Павло, плачуть-

ридають, на крижі впадають: «Святий Петре і Павле, не плач, не ридай, на крижі не впадай, візьми в праву руку хрест, в ліву руку кадильницю, піди по всьому світу, закажи всьому світу, – старому і малому: хто цієї молитви вміє, нехай молить, не забуває в четвер по вечері, в п'ятинку до утрени, в неділю святу до служби божої, то не буде його ні туча, ні грім побивать, буде од Бога ласку мати; як буде помирати, будуть його гріхи одпадати, як на морі пісок, на дереві листок». Некоторые непонятные для молящегося слова в перечне, например, Св. Таинств и т.д. не озабочивают особенно его. Молитва творится, как нечто обязательное для набожного человека, со значительной даже торжественностью в позе, в выражении лица и в общем чувстве свершения важной обязанности, особенно в праздничные дни, когда заботы по хозяйству не отвлекают мысли и не вызывают переплетения слов молитвы словами, обращенным к домашним, и восклицаниями к животным, но молящийся вовсе не задается мыслью углубления в смысл произносимых слов. Это не мешает тому, что данным актом вызывается некоторое торжественное, молитвенное, так сказать, психическое настроение. Кто видел крестьянскую семью «в білих сорочках», в праздничной одежде, заседающую за стол в большие праздники и свершающую молитву перед трапезой, кто прислушался к торжественной интонации слов, произносимых хозяином при первой чарке, кто призадумался над тем, какое громадное значение для изнуряемого постоянным физическим трудом при незатейливой, а то и скудной, пище составляет праздничный отдых и обыкновенное обилие и разнообразие праздничных яств и питья, тот уразумеет то множество разных побуждений, из которых слагается чувство набожно-торжественное, вызываемое празднованием «різдвяних» или «великодніх святков», и для того станет понятно общее торжественное настроение молящегося простолюдина, не взирая на слабое его понимание слов молитвы. То же общее настроение набожности присуще ему и в церкви, несмотря на слабое его понимание слышанных слов и символического значения обрядов. Крестьянин наш податлив на поэзию внешнего культа. Обширное, самое изящное в селе здание, множество икон, свечей, пение, празднично одетый народ, дым кадил – все это вместе взятое производит поэтически-торжественное впечатление.

Набожный в общем смысле склонности к поэтически-торжественному религиозному настроению, но плохой богослов – народ не особенно точно различает значение тех или иных отдельных обрядов; местные народные обычаи сливаются для него в одно целое с обрядами церковными. «Святить паскы» на 1-ый день Пасхи так же важно, как и «дочитаться до Христа»; кутя накануне Рождества, снопок на покути, колядки – такие же необходимые принадлежности рождественских праздников, как и церковное богослужение,

и т.п. Насколько важен в глазах народа свадебный обряд видно из следующего. Иногда бывает так, что молодые венчаются, желая скрепить взаимное обещание, но приближается пост или же у родителей «молодых» нет заготовленных средств для того, чтобы устроить «веселья», хотя бы «не так, як у людей, то хоч так, як коло людей». В таком случае после венчания «молода» не покрывает головы, ходит в «стрічках по-дівоцьки»; молодой ходит к ней, как парубок ходил к своей нареченной, но супружеское сожителство не допускается.

Это взаимное проникновение понятий христианско-религиозных и самостоятельных народных понятий, интересов и жизненной обстановки сказывается, между прочим, в целом цикле колядок, приуроченных к рождественскому празднику и не имеющих никаких следов христианства. В сборнике исторических песен, изданном В. Антоновичем и М. Драгомановым, собрано множество колядок и щедривок, составляющих исторические песни княжеского периода. Есть много поздравительных колядок, которые, не примыкая собственно к этому историческому циклу, родственны с ним по отсутствию следов христианства; к ним относится, между прочим, одна в высокой степени поэтическая колядка, слышанная мною в Киевском уезде, в честь дивчины в семье поздравляемого, где говорится, как «хвалилась береза своїми вітами перед дубами, хвалилась дівка Марійка своїми косами перед парубками». А вот колядка, слышанная мною в Романовке и Кошляках (Сквирского уезда), в которой старинное, дохристианское мировоззрение выступает со всей рельефностью:

Ой не гнівайся, пане господарю, ой дай Боже!

Ми твого двора не минаємо.

Ми твого двора не минаємо,

Ми твій двір звеличаємо.

Вставай з постелі, одчиняй двері,

Застеляй столи все тисові,

Клади калачі з ярої пшениці:

Прибуде до тебе а троє гостей,

А троє гостей, троє радостей.

Що перший гостю – ясний місяцю,

А другий гостю – дрібень дощук,

А третій гостю – яснее сонечко.

Чим ся похвалиш, ясен місяць?

– Ой як я зйду рано звечора,
Возрадується увесь звір у полі,

Весь звір у полі, гість у дорозі.

Чим ся похвалиш, дрібень дощук?

– Ой як я зйду тричі у маю,
Возрадується жито, пшениця,

Жито, пшениця, всяка пашниця.

Чим ся похвалиш, яснее сонечко?

– Ой як я зйду рано в неділю,
Возрадується весь мир хрещений,

Весь мир хрещений, дітки маленькі,

Дітки маленькі, бабки старенькі

Ой дай Боже!

В таком виде в общих чертах уживаются в жизни народа его самостоятельные помыслы, потребности и обряды с понятиями и обрядами религиозно-христианскими; мы видели, что это не мешает ему верно уразумевать основную мысль христианского учения.

От старосветского причетника я слышал когда-то в Киевщине следующую песнь:

Сиде Адам прямо Рая

І наготу свою прикривши, ридає.

А ти, Єво, не смутися,

Та до мене пригорнися,

Прошу я тебе!

Господь к нему глаголаше:

Де ти, Адаме, живеш?

Осьде в кутку, ох мій смутку,
Із Євою молодю
Тишу біду свою.
Господь к нему глас дає:
Іди з раю, Адаме.
А бач, Єво, смутна бабо,
Було жити, не грішити.
Вибачаймо!
Лучше було в раю жити,
Сладкі яблуки в снєдь іміти;
Тепер треба працювати,
Щоб кавалок хліба мати
До самої смерті.
Що ж ми маємо діяти?
Чим ми будемо січти?
І копати я не вмюю,
І не знаю, чим посію,
Бо не маю чого.
А Господь ік ним рече:
В поті лиця хліб сністе,
Візьми заступ та нагнися,
Копай землю, потрудися, –
Щось тобі Бог уродить.

Встречаются, впрочем, и в народной среде в тесном смысле слова разговоры в вышеуказанном тоне, то о том, не забыл ли Господь нашу землю, не посылая ей дождя, то о святых, которые «десь загуляли», не обращая внимания на просьбы людские и.п. В веселом тоже тоне рассказывается о

человеке, который удивился: «Що це таке? Коли не прийду до церкви, то все паски святять». Раз отец поучал новобрачного сына о том, что муж должен жить в полном согласии с женою. Отец был несколько ознакомлен с священной историей ... «то, бачиш, як Адам спав, Бог вийняв у нього ребро і создав Єву». – «Бо спав», – отозвался кто то из компании, вызывая этим всеобщее веселье. – «А то, каже, як би не спав, то й не подався б», – продолжал хозяин в том же тоне. Встречаются и сказки в этом шутовском тоне, как, например, сказка «Москаль и Смерть», записанная г. Ильницьким в Васильковском уезде (Киевской губернии) и помещенная в сборник народных южно-русских сказок. В сказке этой москаль берется стоять у Бога на часах вместо смерти и переменяет по своему усмотрению поручения, даваемые Богом смерти. Скучает в раю, так как там нет ни водки, ни трубки, затем устраивается более удобно в аду, находя там искомое.

Но нужно быть слишком мало знакомым с народной жизнью для того, чтобы на основании подобных юмористических разговоров, песен, сказок и т.п. выводить заключение об общем легкомысленном отношении народа к религии. Я уже указал выше на то, что, несмотря на значительное невежество в вопросах богословских, народ серьезно уразумевает общие положения христианской этики и что с искреннею поэтической торжественностью относится он к внешнему религиозному культу. Согласовать это наружное противоречие не трудно.

Преобладание юмора составляет характеристическую черту мужских разговоров о всяких предметах во время ли отдыха, среди работы на поле или в клуне, в беседе ли на сели под корчмой, во время ли праздничных беседований за столом, пока чарка не особенно подогреет собеседников и не приведет их к более чувствительному и песенному настроению; даже во время возбужденных беседований об общественных потребностях и нуждах удачное юмористическое слово никогда не остается без отголоска. В этом отношении Н. Гоголь, И. Котляревский, Г. Квитка-Основьяненко в некоторых своих произведениях верные представители в письменном слове наклонностей народного малорусского мышления. При данной силе этой наклонности понятна непреодолимость соблазна, представляемого юмористическим отношением к какому бы то ни было предмету. Наклонность эта, конечно, далеко не исключает ни сердечной теплоты, ни глубины чувства – достаточно вспомнить народную малорусскую песенность и верного, блестящего ее продолжателя в письменной форме – Т. Шевченка.

Юмор составляет часто внешнюю, будничную оболочку сосредоточенного чувства, избегающего обнажения à tout propos.

Этими общими свойствами народного малорусского характера и объясняются данные экскурсии в область юмора при общей серьезности религиозного чувства.

Всем известна общая заботливость народа о благолепии своей церкви; я знаю случаи, когда удовлетворение весьма настоятельных экономических потребностей громады было отлагается в интересах украшения сельской церкви, когда самообложение для этой цели было постановляемо в трудный, неурожайный год. Благолепие своего храма составляет предмет гордости селянина. Освящение новой церкви – торжественный день в жизни села; окончание крупной ремонтной работы вызывает громадный наплыв народа в церковь.

Но само благолепие храма не исчерпывает спроса на религиозно-поэтические впечатления; зависимость от личных свойств священника степень изящества в богослужении представляет живой интерес для народа. При суждении о том или ином священнике вопрос о том, «чи він гарно править», всегда имеет большое значение. Голос, жесты, интонация – все это весьма существенно при данной оценке. В одном селе я помню случай, когда было предположение о назначении приходским священником батюшки, не одаренного хорошим голосом и вообще неумеющего «гарно править». Несмотря на капитальность вопроса о вознаграждении за требы и на некоторые данные, указывавшие на умеренность в этом отношении, прихожане были крайне смущены этим предположением.

Проповедью вообще мало интересуется народ. Вращаясь в отвлеченных, мало доступных народному пониманию сферах, произносимые при том на литературном языке слогом малопонятным, – проповедь вообще мало действует на слушателей. Мне ни разу не пришлось слышать рассуждений о священнике, в которых бы обращено было внимание на его проповеднический дар слова. Я знал одного священника, весьма дорожившего своей проповеднической деятельностью. «Плетинку плете», – говорили его прихожане. Один священник говорил мне, что он вместо проповеди имеет обыкновение читать Житие святых и что прихожане интересуются этим. Я не имел случая говорить с его прихожанами на эту тему, но мне это кажется очень вероятным. Живая, проникнутая глубоким убеждением жизнь всегда говорит незачерствешему сердцу. Я знал когда то старика-дзвонаря при одной из малых киевских церквей. Старик – и по языку, и по общему складу мысли близко примыкал к народной малорусской массе, хотя горизонт его был несколько шире горизонта селянина. Он был при том живописец; писал иконы, а также известное изображение запорожца с виршами: «хоч на мене

дивишься, та ба не вгадаєш» и пр. (Один из хороших вариантов этих виршей помещен в «Записках о южной Руси» П. Кулиша). Старик любил иногда побеседовать о казацкой старине, но самой любимой темой его разговоров были рассуждения о житиях святых угодников. Во время моего знакомства с ним он уже чуть ли не в сотый раз перечитывал Четьи-Минеи и находил в этом чтении высокое удовольствие. Глубокая убежденность, готовность на великие жертвы святых угодников вызывала в нем неподдельное сочувствие, высказываемое с трогательной простотой. Несмотря на его глубокую и довольно культивированную религиозность, он никогда не обращался к отвлеченному догматизированию. Мне кажется, что он был в этом отношении хорошим представителем народного типа, его впечатлительности к поэтическим образам религиозной жизни и малой склонности к абстракции. Этим и объясняется, мне кажется, безразличное вообще отношение сельского люда к проповеди.

Это, конечно, не значит, чтобы живое слово священника было наперед обречено на бесплодность. Я знаю такой случай. В селе был крестьянин, немилосердно и грубо обижавший мать старуху. Однажды старуха захворала, чуть ли не вследствие побоев, нанесенных ей сыном. Священника призвали исповедовать старуху. Исполнив эту обязанность, священник старался обратить внимание сына на бесчеловечность его обращения с матерью; он настаивал на том, что нравственные страдания матери облегчатся, если сын по народному обычаю упадет ей в ноги и попросит извинения. Сын слушал нравоучения. «Не піду», – прибавил он решительно. Тогда священник упал перед упорным сыном на колени, прося его во имя спокойствия его матери исполнить его просьбу. Мужик расплакался, попросил извинения у матери. Старуха осталась жива и не имела уже причины жаловаться на отношение к ней сына. Но не всякому, конечно, проповедуемый им дух кротости и смирения умеет внушить подобные слова.

Что касается отношения к иным исповеданиям, то оно вообще чуждо фанатизма. В семьях чиншевиков вы встречаете часто смешанных православных и католиков, но это никогда не бывает поводом к пререканиям. Чиншевик-католик иной раз присоединится к православию, потому что он «незаможний чоловік», ездить ему не на чем, а ходить в костел далеко; это не скандализирует никого из его единоверцев в народной среде. Православная выходит замуж за католика, и обратно, и это не вызывает никаких щекотливых вопросов. Я говорю здесь о чиншевиках, так как в этой группе простонародной массы чаще встречаются близкие соприкосновения двух данных вероисповеданий. Впрочем, после освобождения крестьян встречаются, что дальше, то чаще, браки между крестьянами в юридическом

смысле и чиншевиками; дело это еще несколько ново и лет десятков тому назад я слышал чиншевика, удивлявшегося тому, что «мужик ляхівку бере», но я почти не слышал, чтобы по этому поводу религиозный вопрос был выдвигаем. Среди народа вы часто услышите, что католики, как и православные, «вірять в одного Бога і в Ісуса Христа, тільки в них інакше правиться». Впрочем, один старик объяснил мне, что католический священник читает в церкви тоже самое, что и православный, «тільки не з того кінця».

К еврейской религии также относятся с уважением, так как «жиди вірять в одного Бога», да при том это «дуже стара і дуже тверда віра». Точное исполнение евреями предписаний религиозных и их солидарность часто ставится в пример.

Враждебное отношение народа к панам-ляхам и к жидам имеет совсем иную, не религиозную подкладку, но об этом я поговорю в одном из дальнейших писем. С той же веротерпимостью относится народ к людям, стоящим вне его сферы, индифферентным к религиозной обрядности, если они не ведут себя вызывающим образом по отношению к народным религиозным понятиям. Один очень набожный человек говорил о культурнике, которого отношение к местным сельчанам было довольно гуманным, но который относился индифферентно к религиозной обрядности: «дарма, що він не молиться, заготовив він собі місце на тім світі ділами своїми». Довольно дружелюбно вообще и доверчиво относилось к нему местное население.

Переходя к вопросу о тех или иных модификациях, замеченных мною за время моих наблюдений в данном отношении, я укажу на менее строгое отношение к праздничному отдыху, о котором я уже говорил, и к посту. Я помню то время, когда никоим образом нельзя было уговорить больного крестьянина перейти в интересах здоровья к скоромной пище; в более недавнее время я помню случай, когда школьный мальчик, изнуренный великопостной пищей, обомлел в школе. Я ему предлагал выпить молока в качестве лекарства, но он никоим образом на это не соглашался, точно так, как и вызванная по этому случаю его мать. Теперь больной, особенно из более молодого поколения, без особенных затруднений подчиняется совету есть скоромное. Молодежь, находящаяся в услужении в экономиях, охотно пользуется скоромною пищею в обыкновенные постные дни, и если вопрос этот предоставить на ее решение, то решает его обыкновенно в смысле скоромной пищи, за исключением великопостных дней. А то бывает и так, что кто-нибудь из молодого поколения охотно бы ел скоромное, но стесняется родителей и посторонних. Разговоры на тему, что оскверняет человека не

входящее в уста, но выходящее из них, вы услышите довольно часто и среди постящихся примерно. Впрочем, я должен оговориться, что наблюдения мои в этом отношении относятся главным образом к северо-восточной части Сквирского уезда, прилегающей к железной дороге.

Но самое крупное новое явление в этой сфере за последнюю четверть столетия – это бесспорно штундизм. Мне не случалось бывать дальше в местностях, где он широко распространился; в моей местности (северо-восток Сквирского уезда) он очень мало распространен, небольшими группами в некоторых селениях, да кроме того, мне случалось раза два встречаться в вагонах с штундистами из более южной Киевщины. При таких условиях сведения мои в данном отношении очень скудны, но тем не менее я думаю поделиться ими.

Не предпринимая исследования по данному вопросу, я ограничусь только сообщением двух-трех наблюдений.

У меня работал в качестве мастерового человек, который потом был пресвитером штундистским в одном соседском селе. Я его знал и прежде. В былое время это был веселый собеседник: мастер, да к тому музыка, он при okazji далеко «не цурався чарки» и веселых бесед. Я помню – на одной свадьбе, выпив немного, он был в ударе и начал рассказывать небывалое о своей яко бы жизни с таким юмором, оживляемым часто словами: «От же тут і батько есть; вони не дадут збрехати», что кругом затих свадебный гул; все заслушались и только гомерический смех раздавался от времени до времени. «Якби ви, дядьку, ще ту бурлацьку дали, а то вже в горлі засохло. – Ну, – очамрів трохи, – де чого не згадаю, та дарма». И далее продолжался остроумный рассказ, сплетенный из собственных выдумок, отрывков из сказок, обращений à propos к присутствовавшим и т.д. Не таков стал мой давний знакомый в то время, когда он у меня работал. У него стала несколько перед тем происходить усиленная, сосредоточенная мозговая работа. Он постоянно обращался ко мне с просьбою дать ему почитать что-нибудь. Я давал, что у меня было под рукою из книг для народного чтения. Возвращая мне их, он всегда выражал неудовлетворенность: «Ні, це не те, я правди шукаю». Раз как-то он увидел у меня статью об американском сектантстве в «Заграничном Вестнике». Он просил дать ему почитать; я знал наперед, что многое останется для него непонятным в виду научно-литературного изложения, но нужно было видеть, с каким сосредоточенным вниманием, с каким усердием он старался бороться с этими трудностями. Вечером, после напряженной дневной работы, он пристраивался к маленькой лампочке и зачитывался в глубокую ночь. Как только он завидит, бывало, меня, сейчас

обращается с просьбой объяснить ему непонятные для него слова и обороты речи. Он, конечно, не сумел бы отдать систематического отчета о прочитанном, но для него, очевидно, было ясно, что и те люди, подобно ему, «шукать правды» на основании христианского религиозного учения. Мой знакомый стал впоследствии штундистским пресвитером. Веселый, несколько разгульный нрав его исчез. Я помню, с каким неподдельным сокрушением он говорил о легкомысленности своего брата, певшего под хмельком веселую песню. Разговоры его стали вращаться преимущественно в сфере религиозных вопросов. Какой-то священник дал ему историю церкви – он читал ее очень внимательно и относился с глубоким уважением и интересом к читаемому. Давний юмор, если и проявлялся иногда, то на иной подкладке. Раз как-то он рассказывал про кого-то, занявшегося повседневным делом и продолжавшего молитву. «То й я це, бувало, бувши колись музикою, задрімаю на весіллі, а рука про те грає».

Раз случалось мне быть на молитвенном собрании штундистов. Усевшись кругом стола, они слушали чтение Евангелия и беседовали о читанном, далее пели набожные песни (пение вышло довольно приятное), после того творили молитву, произносимую в голос то одним, то другим из «братии». В молитвах просили о разъяснении им истины, молились и за преследующих их.

Во взаимных отношениях между «братиею» замечается некоторая более усиленная готовность помочь друг другу и интерес к морали в своей среде. Так, например, одному из штундистов, не имевшему своего рабочего скота, другие вспахивали его поле безвозмездно. Случилось, что один из штундистов побил свою жену – штундисты долго не допускали его в свои собрания. Пьянства вообще не бывает в среде штундистов; уважение к чужой собственности и к своему слову значительно. Один рыболов рассказывал мне, что раз у него вытянули одновременно две тони; осмотрев одну, он спешил к другой, но его помощник из крестьян православных обратил его внимание на то, что к другой тони спешить не нужно для контроля, так как там работают штундисты. Уважение их к своему слову настолько известно, что один из провинциальных товарищей прокурора обращал внимание присяжных заседателей на особенную известную достоверность показаний штундиста, несмотря на то, что по своему религиозному принципу присяги они не принимают.

Нечего и говорить, что эти лучшие стороны морали штундистов не есть порождение каких-нибудь специфических свойств штундистского вероучения, что они только косвенный результат возбужденного интереса к более

возвышенным вопросам, а возбуждение то это по самой узости сектантского кругозора не может быть неисчерпаемо.

Вот некоторые наблюдения, подтверждающие это общее положение.

Я старался указать на процесс возбужденной мозговой работы одного из моих знакомых, ставшего впоследствии штундистом. Этот период своей умственной жизни он сам прекрасно характеризовал словами «правди шукаю». Я встречал и других его товарищей в этом периоде. Мысль их работала беспрестанно, они выслушивали другие соображения и возражения, отыскивали усиленно аргументы в пользу своих мнений, с трепетом возбуждения отыскивали в Святом писании места, подтверждавшие, по их соображениям, мнения, к которым они склонялись. Но раз остановившись на данной доктрине, они легко впадают в сектантское высокомерие. Характерно в этом отношении слово, которым они охотно определяют переход чей-нибудь в штундизм. Это слово «уверовать». Речь свою они охотно испещряют словами «письменными» с неумело скрываемым желанием импонировать своей начитанностью и это делают даже неграмотные между ними. Любовь к цитированию номеров глав Евангелия, особенно со стороны неграмотных, имеет, независимо от сектантского буквоедства, несомненно и эту подкладку. Уверовавший нетерпеливо выслушивает замечания и возражения, делаемые самым спокойным и дружелюбным образом; он ставит вопрос, как будто в критикующем он подозревает склонность к преследованию. Я помню, как до начала молитвенного собрания штундистов, на котором мне случалось быть, один из посторонних присутствовавших весьма умеренным образом старался указать на то, что в их борьбе с иконами есть недоразумение в виду неточного с их стороны уразумевания православного учения о данном предмете. Они пошли на беседу весьма неохотно и с видимым неудовольствием постарались прекратить рассуждение, приступая к чтению Евангелия. И вне молитвенного собрания я бывал свидетелем неохоты к рассуждению о вопросам их доктрины, причем как будто намекалось на фантастическую нетерпимость возражателя. Предполагалась ли она в действительности, несмотря на дружелюбный тон замечаний, или был это удобный полемический прием – не смею решать. Та же узость проявилась и в отношении их к сельской школе. В нашу сельскую школу присылали было штундисты из соседней близкой деревни своих мальчиков. Все было сделано для того, чтобы защитить их от легкомысленных насмешек товарищей. Школу между прочим посещали в то время несколько евреев и католик, и товарищеские отношения к иноверцам улаживались мирно, значит, и уложение отношений к штундистам не представляло особенных трудностей. Заинтересованность нашей школой неожиданно сменилась поспешностью, с которой они прекратили высылку

своих детей в школу: дело в том, что дети их научились кое-как читать, а дальнейшее чтение книг и приобретение познаний, стоящих вне строгой программы секты, не представляло уже для штундистов интереса, раз приобретено орудие, состоящее в умении читать кое-как. Случается это часто и с крестьянами православными, но они в таком случае и в начале не особенно интересуются посещением школы, у них выходит это или по индифферентности, или по соображению, что их детям «великой науки не треба». У штундистов, обращающихся часто в интересах секты к печатному слову, это выходит более принципиально.

С сектантскою узостью стоит в связи и устранение из жизни невинных развлечений, составляющих возвышающую душу поэзию трудовой жизни народа. Изящный наряд женщины, «улица», светская песня и т.п., – все это осуждается с точки зрения сектантской. Я помню, как один из штундистов увещевал певших за работою девчат, чтобы они оставили светские песни, так как тем же усилением голоса можно петь набожные песни.

Этими свойствами штундизма (я имею всегда в виду только штундизм моей местности) объясняется, мне кажется, их отчужденность от жизни села, их отсутствие интереса к делам мира. Нужно, впрочем, признать, что негуманное, жесткое иной раз обращение с ними большинства населения поддерживает эту отчужденность. В далеком от нас селении был случай истребления огородных продуктов у штундистов большинством односельчан, в другом селе – штундиста, пришедшего в гости к знакомым, водили босым на мороз. Чем объяснить эту склонность к суровой расправе со штундистами со стороны народа, относящегося вообще веротерпимо к другим исповеданиям? Мне кажется, что здесь действует и новизна факта, всегда раздражающая малоразвитую массу, и то связанное с нею обстоятельство, что сам факт перехода в штундизм выражает уже осуждение вероисповедания большинства населения в то время, когда принадлежность к другому более давнему исповеданию ничего в этом отношении не выражает, и сектантское высокомерие новообращенных, и некоторые формы исповедания, резко поражающие, как устранение крестного знамени из молитвенного обряда и икон.

Объяснить появление штундизма, как это слишком часто делается, исключительно некоторыми неправильностями поведения той или иной части сельского духовенства – мне кажется, крайне односторонне. В общем, появление штундизма указывает на зарождение в народной среде спроса на более широкую умственную жизнь и на отсутствие более целесообразного предложения со стороны культурных слоев в ответ на этот спрос. Сухая,

протестантская формула штундизма мало отвечает наклонностям народной малорусской мысли, общему характеру и выросшим на этой почве народным обычаям. В моей местности штундизм скорее ослабевает, чем усиливается. Мне кажется, что южная Русь не будет увлечена штундизмом, подобно тому, как западноевропейский юг не увлекся протестантизмом, несмотря на ранние задатки критического отношения к католицизму. Для полноты я должен прибавить, что встреченный мною как-то на железной дороге штундист из более южной Киевщины отличался более широким взглядом от наших местных штундистов. Его замечание о том, что к штундизму склоняются более в приходах, в которых люди более «прихильні до церкви», изобличает в нем хорошего психолога. Он осуждал завязтость борьбы наших штундистов с иконами, так как «люди у тому зросли», и потому «не треба їм зараз таким у вічі бризкати». Сущность учения он формулировал словами «нам треба, щоб була любов».

Этими, конечно, далеко не исчерпывающими предмета, заметками я окончу настоящее письмо; в следующих я постараюсь перейти к другим сторонам народного мировоззрения.

(Далі буде).

Підготовка тексту до публікації

Наталії Побірченко